Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-3-157-161

ВОЛКОВ А.В.,
Начальник юридического отдела
«Московской федерации футбола»,
Магистрант Московского государственного
юридического университета им. О.Е.Кутафина,
e-mail: arvolkovwork@yandex.ru

ДАРЕНИЕ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ (MORTIS CAUSA DONATIO): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа дарения на случай смерти (mortis causa donatio) как особой договорной конструкции, находящейся на стыке обязательственного и наследственного права. Анализируется становление данного института в римском частном праве, его эволюция и причины сближения с завещательными отказами. Рассматриваются подходы дореволюционного российского законодательства к дарению на случай смерти, а также современный зарубежный опыт правового регулирования, прежде всего в странах германской правовой семьи. Особое внимание уделяется соотношению дарения на случай смерти с распоряжениями на случай смерти и пределам применения наследственно-правовых норм к данным сделкам. Делается вывод о том, что в большинстве континентальных правопорядков mortis causa donatio под отлагательным условием фактически подпадает под режим наследственных распоряжений, тогда как российское гражданское право занимает более жесткую позицию, исключая допустимость данной конструкции.*

Ключевые слова: *дарение на случай смерти; mortis causa donatio; сделки mortis causa; наследственное право; обязательственное право; завещание; сравнительное правоведение.*

VOLKOV A.V.,
Head of the Legal Department
of the Moscow Football Federation,
Master's Degree Student at Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)

DONATION UPON DEATH (MORTIS CAUSA DONATIO): HISTORICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article examines the legal nature of donation upon death (mortis causa donatio) as a specific legal construction situated between the law of obligations and inheritance law. The author analyzes the historical development of this institution in Roman private law, its subsequent transformation, and the reasons for its convergence with testamentary dispositions. Special attention is paid to the regulation of donation upon death in pre-revolutionary Russian law and to modern foreign legal approaches, particularly within the German legal tradition. The article explores the correlation between mortis causa donations and dispositions upon death, as well as the applicability of inheritance law norms to such transactions. It is concluded that in most continental legal systems donations upon death subject to a suspensive condition are effectively governed by inheritance law, while Russian civil law adopts a restrictive approach, denying legal effect to such agreements.*

Key words: *donation upon death; mortis causa donatio; mortis causa transactions; inheritance law; law of obligations; will; comparative law.*

Введение

В последние годы гражданское законодательство России находится в состоянии постоянного реформирования, которое заключается во внесении многочисленных поправок и изменений в различные разделы Гражданского кодекса (Далее - ГК РФ). Значительные изменения и новшества коснулись и Раздел пятый ГК РФ «Наследственное право».

Так, Федеральными законами от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ и от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ в российское гражданское законодательство были

введены новые распорядительные конструкции на случай смерти, ранее неизвестные отечественному праву, в частности наследственный договор и совместное завещание супругов [2].

Вопросы о целесообразности введения данных институтов, а также возможности их формального закрепления активно обсуждались в юридическом сообществе.

Но факт остается фактом. Законодатель закрепил в российском праве новые распорядительные сделки на случай смерти - сделки mortis causa.

Ранее статья 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляла положение о том, что распорядиться имуществом на случай смерти возможно исключительно посредством завещания [1].

Однако нужно сказать, что завещание, наследственный договор и совместное завещание не являются единственными сделками mortis causa. Даже в настоящее время гражданское законодательство РФ содержит определенный массив норм, касающихся наследования и других сделок, влекущих последствия mortis causa. Таковыми, к примеру, являются пожизненное наследуемое владение- в вещном праве, договор личного страхования- в обязательственном праве. Однако прямого указания на природу mortis causa данных сделок в ГК РФ нет.

Но акцентировать внимание хотелось бы на такой договорной конструкции, как дарение на случай смерти.

В случае дарения на случай смерти, ГК РФ дает однозначный ответ о применимости данной конструкции в гражданском обороте. В соответствии с пунктом 3 статьи 572 Гражданского кодекса Российской Федерации договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя, является ничтожным, что свидетельствует об императивном запрете дарения на случай смерти в российском праве [1].

В работе будет уделено внимание историческому становлению данного института и зарубежному опыту регулирования, и его сопоставлению с нормами российского права.

Историко-правовой анализ

Дарение на случай смерти (mortis causa donatio) традиционно рассматривается в цивилистике как сделка inter vivos mortis causa, то есть соглашение между живыми, направленное на наступление правовых последствий в случае смерти одной из сторон [3]. В полной мере отнести данную разновидность договора дарения к традиционным сделкам mortis causa (как, например, завещание) нельзя.

Упоминания о mortis causa donatio содержатся уже в положениях Законов XII таблиц, что позволяет говорить о древнеримском происхождении данного института [4]. Mortis causa donatio являлось особой разновидностью договоров дарения в праве Древнего Рима. Такое соглашение заключалось на случай, если даритель умрет раньше одаряемого лица. В случае же, если одаряемый умирал ранее дарителя, то заключенное между ними соглашение утрачивало силу.

Интересным кажется утверждение юриста Марципана, которое заключалось в том, что «если те, (которые) взаимно друг другу совершили дарение на случай смерти, умерли в одно и то же время, наследник ни того, ни другого не истребует (подаренное) назад, поскольку ни один из двух не пережил другого» (D. 39.6.26) [4]. То есть в случаях одновременной смерти дарителя и одаряемого договор продолжал действовать, а наследники каждого не могли претендовать на истребование имущества назад.

Как указывал В. М. Хвостов, в отличие от обычного дарения, mortis causa donatio имело особую правовую цель, заключавшуюся в безвозмездной передаче имущества в качестве памяти об умершем дарителе [5].

В данном случае можно говорить о том, что mortis causa donatio являлось специфическим институтом в римском частном праве. На него распространялись общие нормы о договоре дарения, но все же mortis causa donatio имела особенную цель заключения, а также момент наступления ожидаемых правовых последствий (только после смерти дарителя).

Хочется отметить, что изначально mortis causa donatio было разновидностью договора дарения, на него не распространялось действие норм о наследственном праве. Но с течением времени, а именно в период классического римского права, начался процесс распространения норм о завещательных отказах на договоры дарения на случай смерти.

Случилось это, во многом, из-за того, что недобросовестные лица, заключая договор дарения на случай смерти, делая, таким образом, момент смерти отлагательным условием договора, пытались обойти нормы наследственного права: создавалась угроза уменьшения наследственной массы наследников, нарушение нормы об обязательной доле.

Так, конституция императора Юстиниана (530 г. н.э.), направленная на полное объединение завещательных отказов и дарений на случай смерти, хотя и гласила: “Nec ex quacumque parte absimiles esse intellegantur” (C. 8.56.4)1 – «И ни с какой стороны они [легаты и дарения на случай смерти. – А.К.] не признаются законом несхожими». Конституция императора Юстиниана 530 г. н. э. фактически сближала легаты и дарения на

случай смерти, указывая на отсутствие принципиальных различий между ними, однако полного слияния данных институтов в римском праве так и не произошло [6].

А. В. Копылов отмечает, что дарение на случай смерти обладает рядом специфических признаков, отличающих его от завещания, включая двусторонний характер сделки и отсутствие сложного юридического состава для наступления правовых последствий, а также необязательность участия одаряемого в принятии наследства и т.д. [7]

При должном анализе двух данных конструкций, можно понять, что они действительно имеют различную правовую природу, отличия между ними, безусловно есть.

Но, с течением времени и походу развития римского права, а затем его акцептирования другими странами, регулирование дарения на случай смерти происходило через понятие «legatum» и устанавливало определенные требования и ограничения для таких сделок.

В средние века рассматриваемый вид дарения использовался как способ передачи имущества церкви или монастырю после смерти дарителя, что тесно связано с большим количеством крестовых походов.

Отметим очень важную черту договора дарения на случай смерти в римском праве: право римского государства признавало заключение mortis causa donatio под отлагательным условием.

Далее перейдем к вопросу развития дарения в российском дореволюционном праве. Из всего массива правовых актов и сборников, принятых за многие столетия существования государственности, обратимся к законодательству поздней Российской империи, а именно к Своду законов гражданских.

Так, Свод законов гражданских Российской империи рассматривал дарственные записи, предусматривающие переход имущества после смерти дарителя, по своей правовой природе как акты завещательные, исключая возможность отсрочки передачи имущества до момента смерти [8].

Таким образом, право Российской империи не признавало возможности заключения сторонами договора дарения на случай смерти под отлагательным условием. Данная сделка рассматривалась как акт завещания, которое в том числе предполагало универсальный характер правопреемства. Такой подход отличал дореволюционное российское право от римского права, где предполагалось сингулярное правопреемство.

Заключение mortis causa donatio под отменительным условием, как, в целом, и в римском праве, предполагало возможность возврата дара в случае, если даритель переживет одаряемого.

Зарубежный опыт правового регулирования дарения на случай смерти.

В настоящее время в значительном количестве государств различных правопорядков сохраняется конструкция дарения на случай смерти. Большего развития данный договор получил в странах германской семьи права, таких как Германия, Швейцария, Австрия.

На мой взгляд, следует обратится к гражданскому праву Германии, по той причине, что нередко российское частное право тяготеет именно к праву германскому, в том числе заимствуя оттуда различные правовые конструкции и подходы.

Немецкие цивилисты, следуя, впрочем, опыту цивилистов Рима, выделяют в качестве отдельной категории «сделки между живыми на случай смерти (Zuwendungen unter Lebenden auf den Todesfall). К такой категории как раз и относится дарение на случай смерти. В германском праве дарение на случай смерти относится к категории сделок между живыми на случай смерти (Zuwendungen unter Lebenden auf den Todesfall) и регулируется нормами, находящимися на стыке наследственного и обязательственного права [9].

Германское гражданское уложение (далее– ГГУ) содержит в себе два параграфа, которые имеют непосредственную связь с дарениями на случай смерти § 532 «Исключение отмены дарения» и § 2301 «Обещание дарения на случай смерти».

В частности, § 2301 ГГУ выделяет следующие варианты дарения:

– обещание совершить дарение, под условием, что одаряемый переживет дарителя;
– уже совершенное дарение на случай смерти;
– договоры в пользу третьего лица на случай смерти.

Примером договора в пользу третьего лица на случай смерти является договор банковского вклада на случай смерти. Но в связи с наличием возможности заключить договор дарения на случай смерти возникает определенные неясности, связанные с тем, что в каждом конкретном случае бывает трудно определить, о каком распорядительном действии лица идет речь – направлена его воля на распоряжение на случай смерти или на распоряжение «между живыми».

§ 2301 ГГУ содержит норму, предусматривающую разрешение данной коллизии: так, к обе-

щанию совершить дарение на случай смерти, в соответствии с которым дарение будет произведено в случае, если даритель переживет одаряемого, применяются нормы о распоряжениях на случай смерти. Если же даритель исполнит такой договор путем передачи подаренного имущества одаряемому до момента своей смерти, то действуют правила о дарении при жизни (согласно абз. 2 § 2301 ГГУ), т.е. данное соглашение будет рассматриваться уже как сделка, совершенная между живыми.

Таким образом, исходя из системного анализа положений ГГУ, можно сделать вывод о том, что обещание дарения на случай смерти подпадает под категорию одностороннего распоряжения наследодателя, и соответственно на него распространяется действие норм о завещании (§ 1937 ГГУ).

А.В. Копылов в своей монографии приходит к выводу о том, что к mortis causa donatio под отлагательным условием в германском праве (как и в русском дореволюционном праве) применяются нормы о завещаниях, обеспечивающие универсальный характер правопреемства между дарителем-завещателем и одаряемым – наследником по завещанию.

На практике, представляется это представляется так: между дарителем и одаряемым заключается договор дарения, содержащий условия о том, что, например, автомобиль дарителя перейдет к одаряемому или через один месяц, или через день после смерти дарителя. В таком случае, если даритель действительно умрет, то достигнутая между лицами договоренность сохранится. Изменится лишь то, что переход имущества будет урегулирован нормами о завещаниях. Таким образом, автомобиль войдет в наследственную массу, а одаряемый станет, как бы, наследником по завещанию. Следует отметить важную вещь, что здесь не будет учитываться форма самого договора. Если договор дарения не будет соответствовать надлежащей форме завещания, то на него в любом случае будут распространятся нормы о завещании.

Важным аспектом также является то, что в вышеназванном случае, по германскому праву, сохранится универсальный характер правопреемства, что свойственно именно наследственному праву. Это будет означать переход к одаряемому-наследнику по завещанию не только исключительных имущественных активов, но и пассивов причитающейся ему наследственной массы. Прослеживается сходство нынешнего германского права с дореволюционным российским правом.

Конечно, ограничиваться на анализе лишь германского права в рамках поставленного вопроса не стоит. Можно обратиться к праву Австрии, Швейцарии и Франции. Исходя из системного толкования норм о дарении на случай смерти в данных правопорядках, можно прийти к выводу о том, что, в целом, регулирование схоже с правом германским. Естественно, в каждом государстве присутствуют какие-либо свои небольшие отличия. К примеру, австрийское право и французское, в особых случаях, не исключает регулирование сделки дарения на случай смерти нормами о дарении (а не только нормами наследственного права); в каких-то правопорядках дарение на случай смерти признается недействительной сделкой, в других же (как, например, в Германии и Швейцарии) сделка продолжает действие, лишь с распространением на нее норм о завещании.

Но общим выводом для европейского континентального права является то, что на mortis causa donatio под отлагательным условием распространяется действие норм наследственного права, а mortis causa donatio под отменительным условием может стать основанием для возникновения права на отмену договора (при соблюдении условий и не во всех странах).

В заключение следует отметить, что дарение на случай смерти представляет собой сложную и неоднозначную правовую конструкцию, исторически сформировавшуюся на стыке обязательственного и наследственного права. Анализ римского частного права, дореволюционного российского законодательства и современных зарубежных правопорядков показывает, что mortis causa donatio в большинстве случаев тяготеет к наследственно-правовым механизмам и фактически выполняет функцию распоряжения на случай смерти, что обусловливает распространение на него норм о завещании и защитных институтов наследственного права.

Российское гражданское законодательство, устанавливая императивный запрет на дарение на случай смерти, занимает более формализованную и ограничительную позицию, направленную на предотвращение обхода наследственно-правовых гарантий, прежде всего правил об обязательной доле.

Вместе с тем сопоставление с зарубежным опытом позволяет сделать вывод о возможности более гибкого правового регулирования данной конструкции при условии сохранения баланса интересов наследодателя, наследников и иных участников гражданского оборота, что может иметь значение для дальнейшего развития отечественного наследственного права.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья) : федер.

закон Рос. Федерации : действующая редакция. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Дигесты Юстиниана / пер. с лат. И. С. Перетерского ; под ред. И. Б. Новицкого. — М. : Статут, 2005. — 584 с.

[5] Хвостов В. М. История римского права : учеб. пособие. — М. : Спарк, 1996. — 304 с.

[6] Кодекс Юстиниана (Corpus Juris Civilis) : в 3 т. Т. 2 / пер. с лат. — М. : Статут, 2004. — 672 с.

[7] Копылов А. В. Дарение и завещание в гражданском праве : сравнительно-правовое исследование. — М. : Норма, 2010. — 256 с.

[8] Свод законов гражданских Российской империи. Т. X, ч. 1. — СПб. : Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1900. — 1120 с.

[9] Гражданское уложение Германии = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) : с изм. и доп. / пер. с нем. — М. : Волтерс Клувер, 2016. — 816 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (parts one, two, three): feder. law Ros. Federations: current edition. - Access from ConsultantPlus legal system.

[2] On amending parts one, two and three of the Civil Code of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation dated July 29, 2017 No. 259-FZ. - Access from ConsultantPlus legal system.

[3] On amending Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation dated July 19, 2018 No. 217-FZ. - Access from ConsultantPlus legal system.

[4] Digests of Justinian/per. From lat. I. S. Peretersky; ed. I. B. Novitsky. - M.: Statute, 2005. - 584 p.

[5] V.M. Khvostov History of Roman Law: textbook. - M.: Spark, 1996. - 304 s.

[6] Code of Justinian (Corpus Juris Civilis): in 3 vols. Vol. 2/trans. From lat. - M.: Statute, 2004. - 672 s.

[7] Kopylov A.V. Gift and testament in civil law: comparative legal research. - M.: Norma, 2010. - 256 s.

[8] Code of civil laws of the Russian Empire. T. X, part 1. - St. Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Imperial Majesty's Chancellery, 1900. - 1120 s.

[9] German Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): with rev. and add ./trans. With it. - M.: Wolters Kluver, 2016. - 816 s.

